

Будко Алексей Алексеевич, Левакин Александр Сергеевич

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛАЧЕСТВА В ДОСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

В статье раскрываются особенности и характеристика кулачества в досоветской деревне. Дается авторское видение проблемы происхождения кулачества в российской деревне второй половины XIX - начала XX в. Исследуются признаки возникновения и развития кулачества в российской деревне указанного периода.

Предпринята попытка изучения ростовщичества в досоветский деревне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/1/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (91). С. 19-21. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Заключение. Изложенные приемы моделирования протяженных геологических образований регрессией ФСП, как показано на практических примерах, дают возможность успешно решать обратные задачи отображения их формы, размера и положения в геопространстве. Достоверность отображения обеспечивается начальным формированием модельных уравнений по принципу учета объективно существующих факторов влияния, оптимизацией МППВ априори неизвестных функциональных параметров и проверкой полученной модели на адекватность. При этом она существенно зависит от точности данных, исходных для регрессии. Отмеченные свойства регрессии ФСП дают основание полагать, что создаваемые ею модели могут применяться для прогнозирования литологических распределений, оконтуривания локализованных минеральных ресурсов и оценки их запасов, а также проектирования и управления геологоразведочными работами.

Список литературы

1. Антонов В. А. Оценка адекватности регрессионной модели по погрешности экспериментальных измерений // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (89). С. 27-32.
2. Антонов В. А. Построение и оптимизация моделей нелинейной функционально-факторной регрессии // Информационные технологии. 2013. № 5. С. 17-24.

MODELING OF EXTENDED GEOLOGICAL FORMATIONS BY THE METHOD OF NONLINEAR FUNCTIONAL-FACTORIAL REGRESSION

Antonov Vladimir Aleksandrovich, Doctor in Technical Sciences
Institute of Mining of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Antonov@igduran.ru

In the article the modeling techniques of extended geological formations, relief objects and spatial lithological processes by the method of nonlinear regression are presented. Its peculiarities are the functional-factorial principle of models formation and the optimization of their parameters by the method of the approximations of a parabolic top. The reliability of the models is estimated by the proposed double-sided criterion of correspondence with the errors of experimental data. The efficiency of the method is demonstrated by two examples of the modeling of geological formations.

Key words and phrases: geological formation; stratum; distribution of mineral component; nonlinear regression; model.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье раскрываются особенности и характеристика кулачества в досоветской деревне. Дается авторское видение проблемы происхождения кулачества в российской деревне второй половины XIX – начала XX в. Исследуются признаки возникновения и развития кулачества в российской деревне указанного периода. Предпринята попытка изучения ростовщичества в досоветский деревне.

Ключевые слова и фразы: деревня; крестьянство; ростовщик; мироед; «кулак».

Будко Алексей Алексеевич

Левакин Александр Сергеевич, к.и.н.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова
oslobes@rambler.ru; Levakin@rambler.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛАЧЕСТВА В ДОСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ[©]

Наблюдаемое в постсоветской России бурное развитие товарно-рыночных отношений вновь актуализировало «кулацкую» тематику, хотя вряд ли возможно говорить о её популярности среди отечественных исследователей. Как верно заметил А. М. Никулин, «истории спекулянтов-ростовщиков (именно такая трактовка “кулаков” является первоначальной и наиболее справедливой – авт.) стары как мир, и сегодня в связи с последним финансовым экономическим кризисом популярны как никогда. Но изменились масштабы спекуляции: в центре общественного внимания оказались спекулятивные проделки банков и олигархов, а на такие пустяки, как возрождение потаенного микромира современных кулаков-ростовщиков русской деревни, кажется, не следует вообще обращать внимания» [4, с. 350-351].

Однако же, хоть общественное внимание и обращено на «финансовых воротил», это не значит, что в постсоветской деревне не произошла некая реинкарнация кулаков. По мнению наблюдателей и исследователей, в наше время в деревне можно отыскать представителей новой, постсоветской формации «кулаков-мироедов», которые социальным обликом и деятельностью напоминают своих далеких предшественников.

Об этом, в частности, обстоятельно повествует А. М. Никулин, обрисовавший в своей интересной и информативной работе облик одного из таких современных «миродов» [Там же, с. 349]. В этой связи, обратим внимание на то, кто такой кулак и каковы направления и методы его деятельности. Это тем более важно, что отмеченная проблема так и не получила в отечественной историографии удовлетворительного рассмотрения по причине сильнейшей её политизации в советское время в СССР.

Так, по мнению известного знатока российской деревни А. Н. Энгельгардта, возникновению и развитию кулачества способствовала коллективная психология крестьянства, в которой, под влиянием внешнего коллективизма был сильно развит индивидуализм, сопровождающийся стяжательством за счет ближнего: «известной долей кулачества обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков, да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак, щука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал... Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации» [7, с. 386]. С этим вполне можно согласиться, но нужно заметить, что психологические основы кулачества сами по себе еще не могли породить данное явление; нужны были необходимые социально-экономические факторы. Такие факторы появились еще в дореформенную эпоху, и именно к тому времени относятся начальные этапы формирования кулачества в российской деревне.

Р. Гвоздев, бывший очевидцем стремительного расширения и укрепления позиций кулачества во второй половине XIX в. и являющийся автором одной из первых специальных монографий об этом социальном феномене, обоснованно указывал, что предшественники кулаков действовали на селе еще до отмены крепостного права. Он справедливо полагал, что «необходимость для крестьянина отчуждать продукты своего труда на рынок» при отсутствии возможности самому заняться продажей таковых (ведь в условиях крепостничества систематически вывозить произведенную продукцию на продажу было для земледельцев затруднительно) создала в деревне условия для возникновения и деятельности разного рода перекупщиков, посредников, торговцев-прасолов и т.п. [1, с. 21]. Полагаем, что все эти люди с полным основанием могли быть названы не только предшественниками кулаков, но и, в том случае, когда они продолжали свою деятельность уже после отмены крепостного права, еще и первыми представителями отмеченной социальной группы.

Отметим также, что рост кулачества был стимулирован реформой 19 февраля 1861 года, кардинально изменившей жизнь российской деревни. Провозглашенная в этот день императорским манифестом отмена крепостного права создала необходимые предпосылки развитию капитализма в досоветской России, что соответствующим образом сказалось на социально-экономических отношениях в деревне, где натуральное хозяйство все быстрее уступало свои позиции хозяйству товарно-рыночному и, тем самым, возникли благоприятные условия для деятельности и развития сельских капиталистов-кулаков.

Деятельность кулаков была чрезвычайно разносторонней. Она мотивировалась и определялась стремлением к прибыли любой ценой. Прибыль же являлась для кулака не просто желанным результатом усилий и наградой за таковые, но условием его экономического роста. А накопление капитала являлось сутью такой социальной группы российской пореформенной деревни как кулачество. Здесь мы полностью согласны с метким замечанием И. Н. Слепнева о том, что кулаком в пореформенную эпоху называли крестьянина, «функции которого трансформировались от управления сохой к управлению капиталом» [3, с. 360]. Именно капитал определял социальную сущность кулачества, от его размеров зависела та роль и тот общественный вес, который имел каждый представитель данной группы. В целях увеличения своего капитала, в целях обогащения кулаки, как ранее купечество, не останавливались ни перед чем и готовы были заниматься какими угодно махинациями, о чем в различных трудах содержится огромное количество упоминаний.

Источники доходов и укрепления экономического могущества кулаков в пореформенной деревне были весьма и весьма многообразны. Р. Гвоздев справедливо указывал на наблюдаемую им самим и его современниками бурную и разностороннюю деятельность кулачества: «кулак, подобно хамелеону, принимает чрезвычайно разнообразные формы и даже, более того, постоянно меняет свою деятельность, смотря по той экономической атмосфере, среди которой ему приходится существовать и действовать. Он является то арендатором частновладельческой земли, дробит ее на участки и передает их крестьянам, то мы его встречаем во главе промысловой артели, как на базарах юга России, Волги, так и в глухих медвежьих уголках лесистого севера, то он фигурирует в качестве скупщика кустарных изделий, хлеба, скота, крестьянского инвентаря, не брезгуя даже торговлей билетами воспитанников Воспитательного дома, то мы сталкиваемся с ним в образе деревенского ростовщика, распорядителя делами ссудо-сберегательного товарищества, лавочника, отпускающего продукты в долг, и т.д. – словом, кулак-ростовщик – нечто собирательное, прозвище всех тех эксплуататоров, которые разброшены по всему лицу земли Русской и которые орудуют под многоразличными именами кулаков, мироедов, каштанов, сельских ростовщиков и т.д., имена которых ты, Господи, веши!» [1, с. 1]. Еще ранее А. Н. Энгельгардт описывал такой социальный типаж пореформенной деревни как арендаторы помещичьих земель, которые фактически являются кулаками, ибо хозяйство таких арендаторов «ведется самым рутинным образом, обыкновенно соединено с торговлей, разным маклачеством, деревенским ростовничеством...»; поэтому они трактовались современниками как «кулаки, жилы, бессердечные пиявицы, высасывающие из окрестных деревень все, что можно, и стремящиеся разорить их вконец» [7, с. 299].

Несмотря на разнообразие направлений и методов деятельности кулачества, сходство было в том, что кулаки выступали как сельские предприниматели, занятые не столько непосредственным производством, сколько финансовыми операциями. Причем, очевидцы генезиса кулачества справедливо подчеркивали, что это были предприниматели эпохи первоначального накопления капитала, следствием чего являлись примитивизм и грубость направлений и методов их деятельности. Указывалось, что особенно популярным и наиболее доходным занятием кулаков было ростовщичество. А. Н. Энгельгардт с полным основанием утверждал, что «настоящий кулак» – это «ростовщик-процентщик», у которого «все зиждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир – деньги, о приумножении которых он только и думает» [Там же, с. 387]. Показательно, что в названиях специальных работ по данной тематике, издававшихся в досоветский период, термины «кулак» и «ростовщик» нередко соседствовали [Там же, с. 19].

Добавим, что, вопреки характерным для советской историографии безапелляционным утверждениям о тождественности интересов царской администрации и кулачества, представители власти в Российской империи выражали беспокойство и, более того, возмущение кулацкими махинациями. Ведь обусловленное кулацким лихоимством разорение крестьян и разрушение крестьянской общины имели своим неизбежным результатом подрыв сельского хозяйства и снижение налоговых поступлений в государственную казну. Поэтому законодательство пореформенной России не жаловало кулаков-ростовщиков. Согласно ст. 180 «Устава о наказаниях» Российской империи, лица, занимающиеся скупкой у крестьян хлеба «на корню, снопами или зерном» по несоразмерно низкой цене и заведомо воспользовавшиеся «крайне тягостным положением продавца», в первый раз подвергались наказанию в виде ареста на срок до 3-х месяцев (в случае рецидивов – тюремному заключению до 6-ти месяцев) и обязывались заплатить за купленное по действительной цене [5, с. 176].

Однако применявшиеся царским правительством репрессивные меры представляли собой борьбу со следствием (финансовые махинации кулаков-перекупщиков и ростовщиков), но не причиной, каковой выступали резкая социальная поляризация сельского населения и массовое обеднение крестьянства в условиях ускоренного развития капиталистических, товарно-денежных отношений. Поэтому эффективность таких мер была ничтожной.

В настоящее время исследователи справедливо констатируют, что, «как всякий паллиатив, оставляющий нетронутой причину недуга, полицейская борьба с кулачеством фактически остается более или менее безрезультатной» [2, с. 53].

Отметим, что, вопреки недоброжелательности властей, сельские предприниматели-ростовщики чувствовали себя вполне уверенно в досоветской деревне. Сильнейший удар по позициям кулачества был нанесен отнюдь не царским правительством, а советской властью. Однако, несмотря на все репрессивные и ограничительные мероприятия большевиков, в эпоху нэпа, когда товарно-рыночные отношения вновь были разрешены, кулаки оставались одной из заметных и влиятельных социальных групп доколхозной деревни.

Список литературы

1. Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб., 1898. 161 с.
2. Доброноженко Г. Ф. Нормативно-правовая база судебных репрессий при проведении политики «ликвидации кулачества как класса» (первая половина 1930 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. I. С. 49-54.
3. Крестьяноведение: теория, история, современность: ежегодник. М., 1997.
4. Никулин А. М. Мироед и общество: досоветское наследие постсоветской повседневности // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 2011. Вып. 6. С. 349-364.
5. Российское законодательство X-XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. С. 174-177.
6. Сазонов Г. П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб., 1894. 221 с.
7. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб., 1999. 714 с.

ON CERTAIN PECULIARITIES OF THE KULAKS IN THE PRE-SOVIET VILLAGE

Budko Aleksei Alekseevich

Levakin Aleksandr Sergeevich, Ph. D. in History
Platov South-Russian State Polytechnic University
oslobes@rambler.ru; Levakin@rambler.ru

In the article the peculiarities and characteristics of the kulaks in the pre-soviet village are revealed. The authors' vision of the issue of the origin of the kulaks in the Russian village of the second half of the XIX – the beginning of the XX century is presented. The features of the emergence and development of the kulaks in the Russian village of the stated period are researched. An attempt to study usury in the pre-soviet village is made.

Key words and phrases: village; peasantry; usurer; blood-sucker; “kulak”.